
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ВЕРА» В РАБОТЕ Й. РАТЦИНГЕРА (БЕНЕДИКТА XVI) «ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН»* (1)

Г.И. Быкова

Кафедра иностранных языков
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению религиозно-политического дискурса в трудах Й. Ратцингера (Бенедикта XVI). Автор анализирует религиозно-политический концепт «вера» в историческом и современном контекстах. В статье рассматривается трактовка Бенедиктом XVI таких понятий, как «прогресс», «наука» и «свобода».

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, религиозно-политический дискурс, концепт, вера.

Одной из характерных особенностей нашего времени является возрастание роли религиозного фактора в мировой политике и международных отношениях. На необходимость учета этого фактора и связанного с ним нравственного и культурного аспекта нас ориентируют основополагающие документы нашего государства и условия работы в вузе с многонациональным и поликультурным составом учащихся. Постоянное внимание средств массовой информации к религиозно-политической тематике делают злободневным и востребованным обсуждение этих вопросов на занятиях иностранным языком как в профелированных группах студентов-международников, так и других гуманитарных специальностей. В этой связи труды Й. Ратцингера, активно переводимого сейчас на многие языки и признанного одним из наиболее читаемых авторов, представляют несомненный интерес.

Для германоязычной аудитории привлекательны не только работы, но и сама личность нынешнего Папы Римского, широко известного ученого-теолога, немца по происхождению, о чем с удовлетворением и не без гордости сообщали многие немецкоязычные СМИ в связи с его избранием на Святой Престол. Поэтому предьявление текстов Й. Ратцингера содержит еще и страноведческий аспект.

Формулируя тему статьи, мы руководствовались достаточно распространенными подходами к понятиям *религиозно-политический дискурс и концепт*. Религиозно-политический дискурс часто трактуется, во-первых, как единство языковой практики и экстралингвистических факторов, и, во-вторых, как текста, современного и исторического, план и содержание которого, помимо непосредственно коммуницируемого, включает в себя целый комплекс знаний о мире, социуме, коммуникативных кодах и их взаимодействии. В связи с тем что понятие «концепт» имеет сложную структуру и используется в дискурс-анализе специалистами раз-

* Рец. проф. У.М. Бахтикиреева (РУДН), доц. Т.В. Василёва (МАрХИ (государственная академия)).

ных областей знания, сразу укажем аспект понятия, избранный для данной статьи, как наиболее отвечающий ее задачам. В данной статье предлагается критерий академика Ю.С. Степанова, представленный в его словаре [2].

По мнению автора, концепт — «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

По Ю.С. Степанову, «осуществление концепта — это прежде всего его имя, но часто, притом в самых важных случаях, просто фраза, целое высказывание, бытовое, музыкальное или живописное, картина или даже нечто несловесное, «недискретное». Если понятие «определяется», то концепт «переживается».

Такая широкая культурологическая трактовка понятия «концепт» представляется оправданной в рамках данной статьи, особенно если вспомнить, что католическая церковь на протяжении веков была как средоточием, так и инспиратором всего самого значительного, что было создано в литературе, живописи и прикладном искусстве Западной Европы. Обращение к собственно политической проблематике является также традиционным для римских первосвященников, так как в рамках христианской конфессии соединение в одних руках религиозной и политической власти произошло только в католицизме. И, хотя право пап назначать и смещать светских властителей давно является анахронизмом, влияние церкви, интегрированной в структуры государства, остается весьма значительным.

Высокий научный авторитет в среде как теологов, так и светских исследователей, блестящая эрудиция (нынешний Папа Римский активно владеет 10 языками и является обладателем 8 докторских степеней по философии и теологии), совместные выступления и публикации с философами первого ряда, такими как Ю. Хабермас, Л. Барт и др., послужили причиной признания Й. Ратцингера одним из наиболее ярких и неординарных мыслителей современности. «Ценности в эпоху перемен» представляют собой сборник научных работ и докладов, созданных в период с 1992 по 2004 г., т.е. еще до избрания на Святой Престол, в бытность его главой Конгрегации вероучения или главного идеологического ведомства Ватикана. Поэтому работы, представленные в этом сборнике, могут с полным правом рассматриваться как официальная точка зрения Ватикана в последние десятилетия.

Наряду с основным вопросом о том, какие ценности остаются в силе во времена радикальных перемен, все вошедшие в сборник статьи объединяет размышление о будущем человечества в мире, определяемом экономическими и политическими интересами власти. Мы рассмотрим доклад «Разные видения политики и политическая практика» (*Politische Visionen und Praxis der Politik*), первоначально опубликованный в 2004 г. на итальянском языке в книге: Joseph Ratzinger. *Europa. I suoi fondamenti oggi e domani*. Edizioni San Paolo, Cinisello Balsamo (Milano) 2004.

Духовные или нравственные ценности, закрепленные в религиозных и культурных традициях, всегда были стержневой основой человеческой деятельности в истории. Весьма заметно проявление их и в текущих событиях международной жизни. Поэтому религиозно-политический концепт «вера», понимаемый как одна

из характеристик общественного сознания, постоянно приобретает новое содержание под воздействием быстро меняющихся условий жизни и в силу этого сохраняет актуальность и в наши дни.

Следует отметить, что понятие «концепт» в лингвокультурологии нередко соотносится с понятием «языковая личность». Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. В них присутствует указание на социально значимый характер этих свойств, на то, что личность — это человек, взятый в его отношении к обществу, член общества.

Согласно концепции В.В. Красных, выделяющего несколько уровней в структуре понятия «языковая личность», ведущую роль в иерархии уровней языковой личности играет прагматический или мотивационный уровень. Он включает в себя цели, мотивы, интересы, оценки и интенции, проявляющиеся в речевой деятельности, а также ценностно-устойчивые критерии, характерные для социума [3]. В контексте такого понимания языковой личности труды церковных иерархов вообще и Й. Ратцингера в частности представляют богатый материал, так как церковь как общественный и государственный институт исторически и по преимуществу занимается вопросами морали и этики. Проблемы современного общества, переживающего глубокий морально-этический кризис, возможности личностной самореализации в условиях этого кризиса являются предметом пристального внимания со стороны Й. Ратцингера. Бенедикт XVI размышляет об отношениях между верой и разумом, о том, как связаны друг с другом политика и мораль, при этом критические вопросы, обращенные к эпохе, соединены с фундаментальными ответами.

Исходя из представлений о политической деятельности в широком историческом контексте, Й. Ратцингер формулирует два исторически сложившихся видения задач политики, а именно «изменять мир или сохранять его порядок?» [1—11]. Он обращает внимание на свойственное современному обществу чувство глубокой неудовлетворенности, причем именно там, где благосостояние и свобода достигли невиданных ранее высот. Именно это обстоятельство заставляет политиков делать попытки преодолеть это состояние, т.е. обещать перемены.

Если мир ощущается как труднопереносимый, его нужно изменить. Однако свойственная современной политической деятельности ориентация на непререкаемые изменения — улучшение мира, создание нового мира, обещание широкомасштабных реформ и т.п., находится, по мнению Понтифика [1—12], в явном противоречии с представлениями прежних эпох, для которых важнейшей задачей было как раз сохранение, защита того, что существует, от того, что ему угрожает.

В подтверждение этой мысли Й. Ратцингер проводит настоящее лингвистическое исследование и рассказывает о поисках, предпринятых раннехристианскими хронистами и переводчиками для адекватного обозначения роли Христа в латинском переводе евангелия.

Тогда одним из вариантов было выражение «*Conservator mundi*» (Хранитель мира), служившее римлянам обозначением важнейшей задачи и высшего служения, какое можно нести на благо человечества.

С точки зрения Римской империи, в самом деле, в качестве важнейшей задачи рассматривалось сохранение существующего в государстве порядка от всякого рода внутренних и внешних угроз, так как это государство считалось воплощением спокойствия и права. И все же Христа стали называть не *Conservator*, а *Salvator* (Спаситель), что, по мнению Й. Ратцингера, указывало пределы норм земной безопасности и предполагало измерение человеческого бытия, выходящее за рамки политических функций поддержания мира и порядка. В данном случае мы имеем дело с ключевым концептом богословского осмысления жизни, которым является концепт «вера» (*der Glaube*).

Поликультурный концепт «вера», подразумевающий ментальное состояние человека, который проводит различие между данным обыденным миром и запретельным, сверхъестественным миром; не имеет сомнений в существовании сверхъестественного мира, сфокусированного в идее центрального существа — Бога; уповает на Бога и ждет от Него помощи — определяет внутреннюю логику религиозно-политического дискурса. Стремясь расширить представление о задачах политики, Й. Ратцингер пишет, что в выборе между определениями «Хранитель» и «Спаситель» уже на заре христианской эры проявилось разное понимание того, к чему может и к чему должно вести политическое и этическое действие.

Рассматривая традицию, направленную на сохранение и поддержание порядка, Бенедикт XVI проводит сравнение с великими культурами Востока — Китаем и Индией.

Характеризуя традиции религиозной веры этих стран, он отмечает, что в китайском универсализме яснее всего проявилось статичное видение, в котором порядок неба, пребывающий вечно, устанавливает критерии и для земной деятельности. ДАО — одновременно космический и нравственный закон. В стране, где человек выступает против ДАО, не соблюдает его, там нарушается мир и возникает хаос. В противовес таким разрушениям нужно восстанавливать ДАО и тем самым сделать мир вновь пригодным для жизни. Все зависит от поддержания устойчивого порядка или возвращения к нему, если он был нарушен.

Подобную идею выражает и индийское понятие ДХАРМА, означающее как космический, так и этический и социальный порядок, которому человек должен следовать, чтобы жизнь шла правильно.

В отличие от концепций ДАО и ДХАРМА, где имеет значение вечный порядок космоса, а идея «истории» вообще не фигурирует, в христианском концепте веры впервые выдвигается идея истории. Она представляется как самостоятельная и историческая реальность, в которой пространством спасения становится не продолжающееся всегда одинаковое «сегодня», но «завтра» или еще не возникшее будущее.

Величайшее значение для дальнейшего развития политической и религиозной мысли, по мнению Й. Ратцингера, имело богословское представление о будущем

человеческой истории, содержащееся в Книге пророка Даниила. В видении Даниила перемена в истории происходит не в результате политических или военных действий, ибо, как считает Бенедикт XVI, такой власти у человечества просто нет. Перемена происходит благодаря лишь вмешательству Бога: камень, разрушающий царства, отрывается от горы «без содействия рук» человеческих. Именно это понимание стало определяющим в текстах Нового Завета. Поэтому и тексты апостольских посланий в согласии с взглядом, отраженным в Евангелиях, не содержат в себе никакого революционного пафоса и даже прямо противостоят ему. Они вполне однозначны и с давних пор были головной болью всех революционеров. Послание апостола Павла римлянам требует, чтобы «каждый» (буквально: «всякая душа») покорялся высшим властям, ибо нет власти не от Бога.

Следовательно, всякое сопротивление власти есть сопротивление установлению Божьему, то есть повиноваться следует не только из страха, но и по совести. Таково же основание ответа Иисуса фарисеям и иродиянам, задавшим вопрос о податях: принадлежащее кесарю следует отдавать кесарю. Будучи гарантом права, римский император вправе требовать повиновения. Одновременно указываются и пределы повиновения: есть принадлежащее кесарю, а есть — Божьему. Наконец, с тем же самым связан и ответ Иисуса Пилату, когда Господь, говоря с неправедным судьей, тем не менее, признает, что власть вершить суд, быть слугой правосудия может быть дана только свыше.

Таким образом, рассматривая на фоне широкой исторической перспективы задачи политики и государства, Й. Ратцингер акцентирует охранительную функцию государства по отношению к культуре и религиозной традиции. Анализ центральных идей, пронизывающих вероучительные доктрины древних восточно-азиатских империй, активно практикуемые сегодня, и европейского христианства указывает и на обратную связь: цементирующее и воспитательное начало, привносимое религиозными институтами, весьма необходимое для государственной стабильности.

Чтобы быть «благим», государство должно быть основано на разуме, созревшем «в историческом облачении веры» [1—67], полагает Й. Ратцингер. В крупных европейских религиозных и государственных образованиях возникло согласие в толковании понятия «благо». В этом плане одной из самых рациональных религиозных культур стало христианство [1. С. 67—68].

Исследуя развитие христианских взглядов на государство как наивысшее проявление политики, Бенедикт XVI традиционно акцентирует нравственный аспект, указывая, что христиане всегда были связаны государственным порядком как порядком нравственного характера. В этом смысле интересно поведение рядовых верующих, о которых Й. Ратцингер пишет как о примерах для подражания. Акцент делается на то, что новозаветная вера знает не революционера, но мученика: мученик признает авторитет государства, но ему известны и его пределы. Его сопротивление связано не с готовностью к ответному насилию, а с готовностью пострадать за волю Божью. Весьма знаменательно замечание, которое делает в этой связи Й. Ратцингер: «...борец сопротивления, умирающий с оружием в руках, с точки зрения Нового Завета — не мученик» [1. С. 22].

Следует отметить, что далеко не все католики, даже считающие себя таковыми, разделяют вышеозначенную точку зрения Святого Престола. Особую озабоченность Бенедикта XVI вызывают католические деноминации стран Латинской Америки, в которых более сорока лет пользуется популярностью так называемая «теология освобождения», представляющая собой некую смесь католицизма, марксизма и местных верований. То есть в странах Латинской Америки концепт «вера» в силу конкретных исторических и социально-политических причин приобрел совершенно иное содержание. За несколько десятилетий, наполненных драматическими и трагическими событиями, движение, вдохновленное «теологией освобождения», на латиноамериканском континенте накопило историю, провозгласило своих героев и мучеников, среди которых есть и священники, сражавшиеся с оружием в руках. Факт, являющийся экстраординарным для христианской традиции и отчетливо противостоящий официальной вероучительной доктрине католической церкви. В немецкоязычной прессе и литературе этой теме уделено большое внимание, и сам термин «теология освобождения» введен в научный оборот. Й. Ратцингер выражал решительное неприятие этого движения будучи кардиналом и продолжает развенчивать эту позицию сегодня, ссылаясь на исторические и священные с точки зрения христианской традиции тексты.

Те тексты Священного Писания, где, по мнению Папы, человеку приходится политическими и военными средствами бороться за дело Божье, где Бог пользуется для осуществления исторических перемен «мессией», означают открытую политизацию мессианизма, и христианская «священная империя» в обоих своих вариантах — византийском и латинском — не могла и не желала принять таких представлений. Й. Ратцингер называет это движение «апокалиптическим», так как ему свойственно отвержение господствующих в мире сил и надежда на решение проблем путем переворота. Начиная с XVIII в. это течение проявляется с особенной силой, уже не зависит от религии и даже обращено против нее. Радикальной формой этого течения Й. Ратцингер считает марксизм. Формат статьи не позволяет подробно остановиться на аналитической части этого аспекта, и все же хотелось бы привести некоторые речевые обороты, характеризующие ход мысли понтифика: «эволюция заняла место Бога», «Богом становится теперь развитие, прогресс», «идол будущего пожирает настоящее», «Царство Сына Человеческого теперь „бесклассовое общество“».

Исследуя другие вызовы и угрозы, актуальные в настоящее время для традиционного христианского понимания веры и представлений о добре и зле, понтифик указывает на такую тенденцию, как мифологизация.

В наибольшей степени мифологизации подвергаются именно те понятия, к которым чаще всего апеллирует политика и представители властных структур, а именно понятия *прогресса, науки и свободы*. Логической предысторией данного явления стало, по мысли Й. Ратцингера, развитие двух значительных мифов XX в.: расистского мифа национал-социалистов с его лживыми предсказаниями исцеления общества и мифа, обожествляющего революцию на фоне диалектического эволюционизма. В обоснование этих мифов часто утверждалось, что все,

что служит господству расы или приближению грядущего мира — благо, даже если по прежним человеческим представлениям и должно считаться дурным. После ухода со сцены массовых идеологий нынешние политические мифы приобрели менее четкий характер, но и сейчас существует мифологизация подлинных ценностей, которая представляется убедительной именно потому, что заявляет о своей приверженности истинным ценностям. Однако тем-то она и опасна, что подает их односторонне, то есть мифологизирует [1. С. 25].

Понятие *прогресс* было и остается почти завораживающим. Сейчас, по мысли понтифика, оно навязывается в качестве нормы политической и общественной деятельности и выступает как ее наивысшая нравственная квалификация.

Нельзя отрицать, что только за последнее столетие в понимании и использовании сил природы, в медицине и технике был достигнут невиданный прогресс и можно надеяться на продолжение его в будущем. Но, как отмечает Й. Ратцингер, очевидна и амбивалентность такого развития: прогресс начинает угрожать творению — основе нашего бытия. Он создает неравенство между людьми, а также все новые угрозы для мира и человека. Поэтому необходим нравственный контроль над прогрессом. Понтифик полагает, что нужно помнить о пределах прогресса и не допускать футуристического эскапизма [1. С. 26].

Второе место среди мифологически односторонне трактуемых ценностей занимает *наука*. Наука представляет собой великое благо, так как является контролируемой и подтвержденной опытным путем формой рациональности. Наряду с этим существуют патологические формы науки, использование которых в целях достижения власти лишает человека его достоинства. Если вспомнить об оружии массового уничтожения, опытах над людьми, отношении к человеку как к «контейнеру» с органами, которые подлежат пересадке, становится ясно, что и наука подлежит моральной оценке. Ее истинная сущность исчезает, когда единственным ее критерием становится не достоинство человека, а власть, коммерция или просто успех. Наконец, в этом же ряду стоит и понятие *свободы*. Сегодня оно приобрело также множество мифологических черт. Нередко свобода воспринимается анархически, видится несовместимой с каким бы то ни было общественным институтом, становится при этом идолом. Человеческая свобода может быть только свободой верных отношений между людьми, свободой в справедливости, в противном случае она становится ложью и ведет к рабству [1. С. 27].

Полемика с широко распространенным пониманием терминов *прогресс*, *наука*, *свобода* совсем не случайна. Использование этих понятий в современных политехнологиях может служить стимулом к разнообразным формам политической ангажированности от участия в политических диспутах до вооруженных столкновений. Позитивный смысл этих понятий, предлагаемых в качестве политизированных клише, часто воспринимается как самоочевидный, то есть становится объектом веры. Таким образом они приобретают черты новой веры или определяют содержание концепта веры сегодняшнего дня. Это обстоятельство побуждает профессиональных клириков участвовать в политических дискуссиях, используя площадки международных организаций, в том числе и для того, чтобы дистанци-

роваться от слишком односторонне трактуемых положений вероучительной доктрины, как например, это имеет место в вышеупомянутой «теологии освобождения».

В контексте мифологизации Й. Ратцингер рассматривает и такой канон современных ценностей, как триада «мир — справедливость — сохранение жизни на земле», который, по его мнению, практически не оспаривается, но остается чересчур неопределенным и в некоторых моментах проблематичным. Названная триада общепризнанна, но при этом содержательно совершенно неопределенна: что служит миру? Что такое справедливость? Как лучше всего сохранять жизнь на земле?

Папа подвергает сомнению однозначно позитивную трактовку этих понятий. Особенно спорным ему представляется такой существенный момент, как право на жизнь для каждого человека, а также неприкосновенность жизни на всех ее этапах. Это право все чаще ставится под сомнение во имя свободы и науки. Например, если аборты рассматриваются как право свободного человека, значит свобода одного поставлена выше права на жизнь другого. И если, как далее развивает свою мысль понтифик, во имя науки выдвигается требование разрешить опыты над неродившимися детьми, то человеческое достоинство отрицается и попирается, причем отрицаются и попираются именно права самых незащитных. «Здесь необходима демифологизация понятий свободы и науки, иначе мы можем утратить основы всякого права, само уважение к человеку и его достоинству», — делает вывод Й. Ратцингер [1. С. 29].

Совершенно очевидно, что обозначенные в работе проблемы являются отражением разнообразных подходов к пониманию задач политики в современном мире и самой «картины мира», складывающейся в головах людей разных социальных и национальных ареалов. В то же время понятия прогресса, науки, свободы, прав человека и пр., в силу частоты использования в политическом дискурсе и широкой трансляции по медийным каналам, содержательно трактуются почти одинаково и поэтому не могут не влиять на ценностно-значимые установки, что ведет к нравственному релятивизму.

Как глава теократического государства и самой многочисленной в мире христианской деноминации, Бенедикт XVI приводит многочисленные аргументы в пользу того, что политика и те, кто призван осуществлять властные функции, должны исходить в своей деятельности из нравственных критериев. Первостепенное значение при этом имеет личная и коллективная вера.

Понтифик убежден, что декалог (десять заповедей) являются достоянием не только христиан: как высшее выражение морального разума декалог в основном совпадает в этом качестве с мудростью других великих культур. «Становится ясно, чем может вера помочь справедливой политике: она не заменит разума, но может помочь ясному осознанию важнейших ценностей... В прошлом веке — как и во все века — именно свидетельство мучеников ограничивало эксцессы власти и внесло существенный вклад в оздоровление разума», — полагает Бенедикт XVI [1. С. 30].

Рассмотренные выше отдельные положения доклада Й. Ратцингера «Разные видения политики и политическая практика», открывающего сборник «Ценности в эпоху перемен», представляют собой попытку изучения экстралингвистических факторов (политических и историко-религиозных) на конкретном текстовом материале. Тот факт, что многие политические действия являются по своей природе речевыми, предопределил выбор автора, политический статус и общественная позиция которого существенно влияют на умонастроение многих наших современников.

Широкий исторический фон, опираясь на который Й. Ратцингер размышляет о влиянии религиозной традиции на современную политическую ситуацию в странах Востока и Запада, позволяет выделить религиозно-политический концепт «вера» как один из определяющих.

Рассмотренные здесь контексты являются эталонными для христианского католического религиозно-политического дискурса не только в силу широкого признания научно-богословского авторитета автора. Действующий в рамках единственно католической церкви так называемый «догмат о папской непогрешимости» обязывает всех причисляющих себя к ней беспрекословно принимать на веру и как руководство к действию все сентенции, послания, энциклики, обращения или послания, исходящие от понтифика. По этой причине позицию латиноамериканских «теологов освобождения» следует понимать как знак кризисных явлений внутри католицизма и доказательство значимости концепта «вера» для анализа событий как религиозного, так и политического характера. Само понятие *религиозно-политический дискурс* применительно к католицизму демонстрирует транскультурный и транснациональный характер. В то же время он неоднороден как во времени, так и в стадийном отношении.

Для рассматриваемой в данной статье работы, как и для всего сборника, концепт «вера» является ключевым. Й. Ратцингер акцентирует его при анализе как древних источников, так и текущих политических событий. Богатство лингвистических средств с большим аргументативным потенциалом, профессиональное владение стратегиями и тактиками убеждения по степени эмоционального воздействия приближают его тексты к жанру публицистики и поэтому могут быть многообразно востребованы в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ratzinger J.* Politische Visionen und Praxis der Politik. Werte in Zeiten des Umbruchs. Die Herausforderungen der Zukunft bestehen. — Verlag HERDER, Freiburg im Breisgau, 2005.
Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) — Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. — М.: ББИ, 2007.
- [2] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — С. 40—76; *Степанов Ю.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М.: Языки славянских культур, 2007.
- [3] *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М.: Гнозис, 2002.

**RELIGIOUS-POLITICAL CONCEPT «FAITH»
IN THE WORK OF J. RATZINGER (BENEDIKT XVI)
«VALUES IN TIMES OF CHANGE»**

G.I. Bykova

The Department of Foreign Languages
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the studies of religious-and-political discourse in the works of J. Ratzinger (Pope Benedictus the XVI). The author considers the religious-and-political concept «faith» in its historical and modern context. There are analyzed such notions as «progress», «science», «freedom» in the comprehension of Benedictus the XVI.

Key words: discourse, faith, religion, concept, context, progress, freedom, science.